

Докл. депз. С.П.В. 19 Сентября 1895 г.

ГОНЧАРОВЪ.

1127
ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

С 603

43

оп

72

Co-4

Иванъ Гончаровъ
И. А. ГОНЧАРОВЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Евгенія Соловьева.

Съ портретомъ Гончарова, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адомъ.

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

1895.

89 76
4640
566

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Июля 1895 г.

19349-37

П. 137033

Stacks
Ex. 1111
Biblioteka SS Kimini V. I. Kimina
3-30-71
854891-29/ + 853644-29/

СОДЕРЖАНИЕ:

	СТР.
I. Первые годы	5
II. На родинѣ	17
III. Въ Петербургѣ. Начало литературной дѣятельности.	24
IV. «Фрегатъ Паллада»	36
V. «Обломовъ»	50
VI. Эпосъ «дореформенной Россіи»	67
VII. Последніе годы жизни	75

ОТЪ АВТОРА.

Источники для біографіи Гончарова очень незначительны. Главнѣйшія данныя о жизни знаменитаго писателя можно почерпнуть въ автобіографическихъ статьяхъ самого Гончарова, помѣщенныхъ въ полное собраніе его сочиненій, въ рѣдкихъ воспоминаніяхъ близкихъ къ нему лицъ, напр. г. Кони въ «Недѣлѣ» за 1891, въ немногихъ напечатанныхъ письмахъ Гончарова и некрологахъ.

I.

Первые годы.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ родился 6 іюля 1812 года въ Симбирскѣ. Онъ былъ, значитъ, ровесникомъ Герцена и Огарева и современникомъ всей стаи славной, выступившей на литературное и научное поприще въ сороковыхъ годахъ. Какъ рѣдкое для того времени исключеніе, онъ принадлежалъ не къ дворянскому, а купеческому сословію, что впрочемъ не помѣшало ему ни встать во главѣ русскаго художественнаго творчества, ни умереть генераломъ въ буквальный смыслъ этого слова.

Впрочемъ, какъ мы это увидимъ, ничего специально купеческаго не было ни въ воспитаніи Гончарова, ни въ окружавшей его обстановкѣ. Его рано умершій отецъ былъ очень зажиточенъ, и эта-то зажиточность позволила Гончаровымъ устроиться по барски. По воспоминаніямъ самого Гончарова, картина его дѣтства представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Начнемъ съ внѣшняго.

Наружность родного города не представляла ничего другого, кромѣ картины сна и застоя. Тѣ-же большею частью деревянные, пострѣвшіе отъ времени дома и домишки, съ мезонинами, садиками, иногда съ колоннами, окруженные канавками, густо заросшими крапивою и полынью, безкопечные заборы, тѣ-же деревянные тротуары съ недостающими досками, та-же пустота и безмолвіе на улицахъ, покрытыхъ густыми узорами пыли. Вся улица слышитъ, когда за версту ѣдетъ телега или стучитъ сапогами по мосткамъ прохожій.

Такъ и хочется заснуть самому, глядя на это затишье, на сонныя окна съ опущенными столами и жалюзи, на сонныя фізіономіи сидящихъ по домамъ или попадающихъ на улицѣ лица. «Накъ чего дѣлать!» — зѣвая, думаетъ, кажется, всякое изъ этихъ лицъ, глядя лѣниво на васъ: «мы не торопимся, живемъ — хлѣбъ жуемъ да небо коптимъ»...

И вправду должно быть такъ. Чиновникъ, совѣтникъ какой-нибудь палаты, лѣниво около двухъ часовъ ѣдетъ изъ присутствія домой, нужды нѣтъ, что отъ палаты до дома не было и двухъ шаговъ. Пройдетъ писарь или гарнизонный солдатъ еле-еле бредетъ по мосткамъ. Купцы, забывшись въ глубину прохладной лавки, дремлютъ или играютъ въ шашки. Мальчишки среди улицы располагаются играть въ бабки. У забора коза щиплетъ траву.

Ни мысли, ни жизни нечего, разумѣется, искать въ такихъ палестинахъ. Спать и безмолвствуютъ. Самыя новости ничтожны и неинтересны. Умереть какой-нибудь Петръ Ивановичъ или Иванъ Петровичъ — пожалѣютъ, поохаютъ, поплачутъ и забудутъ; явится новый губернаторъ на смѣну старому — поинтригуютъ, посплетничаютъ и махнутъ рукой; откупщикъ откроетъ новую контору... И все.

— «Ужели ничего нѣтъ новаго», — спрашивалъ Гончаровъ крестнаго, вернувшись домой послѣ долгаго отсутствія. — Я все это знаю, давно видѣлъ: вонъ, кажется, и коза знакомая!

— «Какъ нѣтъ новаго! Вотъ сейчасъ поѣдемъ къ новому собору: онъ ужъ освященъ. Каковъ!» — хвастался крестный, когда мы сошли съ дрожжекъ и обходили соборъ. Соборъ въ самомъ дѣлѣ очень хорошъ: обширенъ, стройныхъ размѣровъ и съ тонкими украшеніями на фронтонахъ и капителяхъ колоннъ.

— «Вотъ и это новое: ты еще не видѣлъ, при тебѣ не было!» — говорилъ крестный, указывая на новое зданіе на большой улицѣ.

Я прочелъ на черной доскѣ надпись: «Питейная контора».

— «Это откупщикъ выстроилъ!» — прибавилъ крестный.

Здѣсь и прошли первыя 10 лѣтъ жизни Гончарова, послѣ чего онъ разстался съ роднымъ гнѣздомъ, гдѣ ему жилось хорошо, привольно.

«Домъ у насъ — пишетъ онъ — былъ, что называется, полная чаша, какъ впрочемъ было почти у всѣхъ семейныхъ людей, не имѣвшихъ по близости деревни. Большой дворъ, даже два двора со многими постройками: людскими, конюшнями, хлѣвами, сараями, амбарами, птичниками и баней. Свой лошади, коровы, даже козы и бараны, куры и утки — все это населяло оба двора. Амбары, погребъ, ледники переполнены были запасами муки, разнаго пшена и всяческой провизіи для продовольствія нашего и обширной дворни. Словомъ, цѣлое имѣніе, деревня, помѣщенная въ самомъ центрѣ большого губернскаго города.

«Мать — продолжаетъ Гончаровъ — любила насъ не тою сентиментальною, животною любовью, которая изливается въ горячкѣ

ласкахъ, въ слабомъ потворствѣ и угодливости дѣтскимъ капризамъ и которая портитъ дѣтей. Она умно любила, слѣдя неослабно за каждымъ нашимъ шагомъ, и съ строгою справедливостью распределяла поровну свою симпатію между всѣми нами четырьмя дѣтьми. Она была взыскательна и не пропускала безъ наказанія или замѣчанія ни одной шалости, особенно, если въ шалости крылось зерно будущаго порока. Она была неумолима—и дѣтямъ вѣроятно доставалось-бы строго и часто, еслибы тутъ подъ рукой они не нашли себѣ защитника».

Въ домѣ, кромѣ семьи Гончаровыхъ, проживало еще постороннее лицо—одинъ отставной морякъ, носящій въ воспоминаніяхъ псевдонимъ Якубова. Тоже архаическая фигура, тоже типъ стараго добраго времени! Выйдя въ отставку, онъ пріѣхалъ въ свою деревню или деревни: у него ихъ было двѣ, съ тремя стами душъ въ обѣихъ, верстахъ въ полтораста отъ города. Но одинокому холостаку скоро наскучило тамъ: сельскаго хозяйства онъ не понималъ и не любилъ, и онъ переселился въ губернской городъ. Здѣсь въ поискахъ за квартирой онъ случайно замѣтилъ красивый, свѣтлый и уютный деревянный флигель при довольно большомъ каменномъ домѣ Гончаровыхъ, выходившемъ на три улицы, и нанялъ его, не предвидя, что проживетъ въ немъ почти полвѣка и тамъ умретъ. Старый холостякъ сошелся съ семьей и сроднился съ ней. Онъ былъ крестнымъ отцомъ дѣтей, а потомъ, когда семья осталась безъ главы, сталъ принимать участіе и въ ихъ воспитаніи. Это занимало его, заполняло его жизнь. «Добрый морякъ—говоритъ И. А.—околожилъ себя нами, принялъ насъ подъ свое крыло, а мы привязались къ нему дѣтскими сердцами, забыли о настоящемъ отцѣ. Онъ былъ лучшимъ совѣтникомъ нашей матери и руководителемъ нашего воспитанія».

Якубовъ по тому времени былъ человѣкъ просвѣщенный. Образованіе его не ограничивалось техническими познаніями въ морскомъ дѣлѣ, приобретенными въ корпусѣ. Онъ дополнял его непрестаннымъ чтеніемъ по всѣмъ частямъ знанія, не жалѣлъ денегъ на выписку изъ столицъ журналовъ, книгъ, брошюръ. Какъ бывало прочитаетъ въ газетѣ объявленіе о книгѣ, которая по заглавію покажется ему интересною, сейчасъ посылаетъ требованіе въ столицу. Романовъ и вообще беллетристики онъ не читалъ и зналъ всѣхъ тогдашнихъ крупныхъ представителей литературы болѣе по наслышкѣ. Выписывалъ онъ книги историческаго, политическаго содержания и газеты.

Дѣтей, разумѣется, онъ баловалъ страшно, да и какъ было не баловать ему, старому холостяку, у котораго въ жизни ни впереди, ни назади не было ничего? «Бывало, — рассказываетъ Гончаровъ, — напашлишь что-нибудь: влѣзешь на крышу, на дерево; увяжешься съ уличными мальчишками въ сосѣдній садъ или съ братомъ забереешься на колокольню — мать узнаетъ и пошлетъ челоѣкъ привести къ себѣ. Вотъ тутъ-то и спасаешься въ благодѣтельный флигель къ крестному. Онъ уже знаетъ, въ чемъ дѣло. Является челоѣкъ или горничная съ зовомъ: — «пожалуйте къ маменькѣ!» — «Пошелъ!» или «пошла вонъ!» лаконически командуетъ морякъ. Гнѣвъ матери между тѣмъ утихаетъ, и дѣло ограничивается выговоромъ вѣсто дравья ушей и стоянья на колѣняхъ, что было въ наше время весьма распространеннымъ средствомъ смирять и обращать шалуновъ на путь правый».

Баловство Якубова по своей формѣ находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ обломовскими принципами. Прежде и больше всего оно выразилось «въ кормленіи». У него былъ отличный новаръ и кромѣ того особый кондитеръ. Иногда онъ оставлялъ дѣтей обѣдать у себя, и «тутъ уже всякому кормленію и баловству не было конца». Былъ у него между прочимъ особый шкапчикъ, полный сластей — собственно для крестниковъ и крестницъ.

«Со мною онъ, — вспоминаетъ Гончаровъ, — ежедневно катаясь по городу для воздуха, заѣзжалъ еще въ разныя лавки и накупалъ также сластей, игрушекъ и всякихъ пустяковъ, нужды нѣтъ, что дома всего этого было вдоволь и давалось намъ регулярно. Курьезно, что когда я пріѣхалъ по окончаніи университетскаго курса, онъ, не успѣвъ поздороваться, велѣлъ заложить тарантасъ (вродѣ длинной ливейки съ подножкой), какъ всегда дѣлалъ, когда я пріѣзжалъ на каникулы мальчикомъ, и повезъ было попрежнему въ кондитерскія и другія лавки за сластями. Я засмѣялся и онъ тоже, когда я спросилъ, гдѣ продается лучшій табакъ».

Словомъ, ѣшь — не хочу.

Надъ почвой сластей, кормленія и пичканья воздвигалась впрочемъ и интеллигентная надстройка.

«По мѣрѣ того какъ Якубовъ старѣлъ, а я — говоритъ Гончаровъ — приходилъ въ возрастъ, между мной и имъ установилась — съ его стороны — передача, а съ моей — живая воспримчивость его серьезныхъ техническихъ познаній въ чистой и прикладной математикѣ. Особенно ясны и неоцѣненны были для меня его бесѣды о *математической и физической географіи, астрономіи, вообще космо-*

гоніи, потомъ навигаціи. Онъ познакомилъ меня съ картой звѣзднаго неба, наглядно объяснялъ движеніе планетъ, вращеніе земли, все то, чего не умѣли или не хотѣли сдѣлать мои школьные наставники. Я увидѣлъ ясно, что они были дѣти передъ нимъ въ этихъ техническихъ, преподаваемыхъ мнѣ, урокахъ. У него были нѣкоторые морскіе инструменты, телескопъ, секстантъ, хронометръ. Между книгами у него оказались путешествія всѣхъ кругосвѣтныхъ плавателей, съ Кука до послѣднихъ временъ... Я жадно поглощалъ его рассказы и зачитывался путешествіями. «Ахъ, еслибы ты сдѣлалъ хоть четыре морскія кампаніи—то-то порадовалъ меня,—говаривалъ онъ часто въ заключеніе. Я задумывался въ отвѣтъ на это: меня тогда уже тянуло къ морю, или по крайней мѣрѣ къ водѣ»...

При такомъ воспитаніи должно было холиться тѣло, шевелиться умъ, дѣятельно работать воображеніе, но предъявлять ему требованія насчетъ развитія воли, инициативы, предпріимчивости—было-бы совершенно напрасно. Слишкомъ уже хорошо, спокойно и гладко шла жизнь, передъ ней лежало ровное будущее, ублачивало ее и однообразіе впечатлѣній мирнаго губернскаго города, и обиліе крѣпостной обстановки съ запасами на цѣлый годъ, съ амбарами и ледниками доминировавшими отъ хлѣба, дичи, солений. Жилось уютно, беззаботно, и полный, откормленный мальчикъ съ мечтательными глазами чувствовалъ себя какъ нельзя лучше среди лакомствъ, разсказовъ и путешествій, хотя пока только книжныхъ.

Крѣпостное право, крѣпостническая обстановка не были воспитательной школой для Гончарова, какъ напр. для Тургенева или Герцена. Онъ не замѣчалъ ихъ ни въ дѣтствѣ, ни въ юности, а впоследствии относился къ нимъ съ полнымъ благодушіемъ. Ни одно отрицательное чувство не успѣло зародиться и вырасти въ его душѣ: легко и спокойно принялъ онъ свою барскую долю, не задавая себѣ тревожнаго вопроса о своемъ гравѣ; легко и спокойно до конца дней своихъ пользовался онъ привилегіями и преимуществами. Натолкнуть его на сомнѣнія, недовольства, протесты—было некому; даже Якубовъ, хотя и просвѣщенный человѣкъ, хотя и масонъ, держался примирительнаго взгляда на окружающее.

Якубовъ былъ баринъ въ душѣ, природный аристократъ. Между прочимъ онъ былъ сынъ своего вѣка, крѣпостникомъ, хотя и изъ гуманныхъ. «Въ дворнѣ у него, рассказываетъ Гончаровъ,—кромѣ своего кучера, повара и двухъ-трехъ лакеевъ съ семействами, были еще столяры, портные и сапожники. Онъ отпускалъ ихъ по горюху на оброкъ, не справляясь, гдѣ и какъ они живутъ, что зарабаты-

вають. Онъ не получалъ съ нихъ ни гроша, и только когда понадобится ему сапоги, онъ велитъ своему сапожнику шить, заплативъ, что стоитъ товаръ. Понадобится починка или заказъ новой мебели—то-же самое.

«Домашней вѣрнопостной прислугѣ, — а тогда другой, наемной, не было, — жалованья не полагалось, но каждый праздникъ онъ позоветъ бывало меня и отдаетъ разложенныя у него кучки серебряныхъ рублей. — «Это, скажетъ, отдай Васькѣ, это — Митькѣ, это — Гришкѣ, всѣмъ сестрамъ по серьгамъ» — прибавитъ въ заключеніе. Самъ никогда лично не давалъ, а черезъ насъ».

... «Онъ — продолжаетъ Гончаровъ — былъ вспыльчивый, какъ порохъ, но не жолчный, не злобливый старикъ. Отъ мгновенныхъ вспышекъ его не оставалось никакого дыма, какъ отъ пороха. Провинится человѣкъ, не угодитъ ему, разсердитъ обыкновенно пустяками, онъ затопаетъ, подниметъ оба кулака, иногда сложитъ ихъ вѣстѣ и, грозя, закричитъ: «Дьяволъ твою душу побери! Я тебѣ голову проломаю!» Это были его точныя выраженія въ гнѣвѣ. Въ эти минуты тому, кто не знаетъ его коротко, онъ покажется страшнымъ. Но въ одну минуту гнѣвъ погасалъ, какъ молнія, и пикогда ни одному слугѣ онъ не только «головы не проломалъ», но никто не видалъ, чтобы онъ тронулъ кого-нибудь щелчкомъ, даже чтобы мальчишку взялъ за ухо или за волосы. У него въ рукахъ и приемы для драки не было... А грозенъ онъ бывалъ до комизма. Сидитъ, бывало, за столомъ: случится иногда, что супъ пересоленъ или жаркое перезажарено. — «Малый, — закричитъ онъ грозно: — подай палку!» У него была дубинка съ круглой головкой, сопровождавшая его въ прогулкахъ. Малый, иногда лѣтъ пятидесяти или шестидесяти, стоявшій въ числѣ трехъ или четырехъ такихъ-же малыхъ съ тарелками за нашими стульями, а лѣтомъ махавшихъ надъ нашими головами вѣтвями отъ мухъ, — малый приносилъ дубинку.

— Поди, дай понюхать Акимкѣ (повару)! — приказывалъ Якубовъ, — и скажи, что онъ отвѣдаетъ этого кушанья, если опять пересолить супъ».

Малый серьезно выслушивалъ приказаніе и шелъ въ кухню къ Акимкѣ съ дубинкой. Неизвѣстно, давалъ-ли онъ понюхать ее...

Неправда-ли, милая сцена? Просвѣщенный человѣкъ, масонъ — слѣдовательно признающій равенство между людьми, морякъ, побывавшій не разъ въ Европѣ, даетъ своему повару понюхать палку точно собакѣ. Гончаровъ однако нисколько не возмущается. Его *вазказъ* исполненъ благодушія; онъ пытается даже философствовать

и оправдываетъ самодурныя выходки Якубова съ точки зрѣнія «исторической перспективы». Тогда, молъ, всѣ такъ дѣлали.

Очевидно, ничего злого, негодующаго, раздраженнаго не осталось у него на душѣ въ воспоминаніяхъ о дѣтствѣ. Немножко скучное, однообразное, но спокойное и убаюкивающее, какъ мягкая, чистая колыбель, — оно образовало его характеръ, его малоподвижную лѣнивую натуру и вмѣстѣ съ тѣмъ оказало ему неопцѣнную услугу, снабдивъ его на всю жизнь запасомъ рѣзко опредѣленныхъ, художественныхъ цѣлостныхъ впечатлѣній.

Элементарное образованіе Гончаровъ получилъ въ городскихъ частныхъ пансіонахъ, между прочимъ у одного священника, жившаго по сосѣдству въ имѣніи княгини Хованской и содержавшаго особенный пансіонъ для дѣтей мѣстныхъ дворянъ. Это былъ человѣкъ образованный, окончившій курсъ въ казанской духовной академіи, обладавшій щеголеватой внѣшностью и хорошими манерами. Желать онъ былъ на французскѣ, которая преподавала воспитанникамъ мужа свой родной языкъ. Въ этомъ оригинальномъ пансіонѣ Гончаровъ нашелъ и небольшую разрозненную бібліотеку, гдѣ попались ему въ руки путешествія Кука и Крашенинникова, Мунго Парка и Палласа, Карамзинъ и Голиковъ, Ролланъ и Малотъ, произведенія Нахимова и Расина, Ломоносова, Державина и Тасса и любимыя книги того времени: мрачныя романы Ратклифъ, «Саксонскій Разбойникъ», томикъ «Ключи къ таинствамъ природы» Эккартсгаузена, «Бова Королевичъ» и «Ерусланъ Лазаревичъ». Все это было поглощено сразу, безъ передышки и не давало спать ребенку по ночамъ. Фантазія разгуливалась, разбѣгалась, залетала вмѣстѣ съ Кукомъ на Сандвичевы острова, въ Камчатку вмѣстѣ съ Крашенинниковымъ, въ парижскіе театры вмѣстѣ съ Карамзинымъ, въ притоны разбойниковъ — съ Ратклифъ. Мысль послушно слѣдовала за воображеніемъ, безсильная руководить имъ и довольная подъ его игомъ. Ничего яснаго, опредѣленнаго не давало чтеніе, но дразнило и раздражало мечту, заставляло любить покой, уединеніе и цвѣтную игру пробужденнаго чувства. Хорошо было обратиться куда-нибудь на чердакъ или въ глубину сада, скрыться отъ чужихъ глазъ, поудобнѣе улечься или усесться и съ замираніемъ сердца слѣдить за вереницей навѣянныхъ книгами образовъ, то пугаясь ихъ, то простирая къ нимъ руки...

Въ 1822 году, 10-ти лѣтъ отъ роду, Гончарова отвезли въ Москву для дальнѣйшаго образованія и помѣстили въ одно изъ среднихъ заведеній, предназначенныхъ, разумѣется, исключительно для

дворянъ. Такимъ образомъ для мальчика началась жизнь внѣ семейнаго круга; домой съ этихъ поръ онъ прѣзжалъ лишь на лѣто, остальное же время проводилъ въ столицѣ. Продолжая среди ученія читать, что ни попадало подъ руку, онъ успѣлъ познакомиться съ французскими беллетристами, перевелъ даже на русскій языкъ одинъ романъ Сю, отрывокъ котораго былъ помѣщенъ въ «Телескопѣ» за 1832 годъ.

Поэзія жизни попрежнему сосредоточивалась въ чтеніи, и при томъ въ безпорядочномъ чтеніи фантастическихъ вещей вроде «Агасфера» или «Графа Монтекристо». Нужна очень талантливая и здоровая натура, чтобы выдержать, тѣмъ болѣе въ неограниченномъ количествѣ, такую приторную умственную пищу. Какъ не растерять среди «привидѣній и приключеній» здравого чувства дѣйствительности, вниманія къ окружающему, интереса къ правдѣ жизни. Сказки, романы, баллады уложили на кровать и погрузили въ мечтательное бытіе не одного русскаго человѣка съ задатками Обломова, но Гончаровъ устоялъ, хотя и далеко не совсѣмъ. Пристрастіе къ дряблой мечтательности постепенно развивалось и укрѣплялось въ немъ.

8 лѣтъ среднеучебнаго заведенія прошли незамѣтно, безъ особенной пользы и безъ особеннаго вреда. Мальчикъ превратился въ юношу и въ 1830 г., 18-ти лѣтъ отъ роду, былъ готовъ къ поступленію въ университетъ, но такъ какъ по случаю холеры университетъ былъ закрытъ, то ему пришлось держать вступительный экзаменъ лишь въ 1831 г. По его собственнымъ словамъ, онъ въ это время зналъ порядочно по-французски, по-нѣмецки, отчасти по-англійски и по-латыни; переводилъ Корнелія Непота *à livre ouvert* и слѣдовательно безъ всякой гордости и самолюбія могъ считать себя достойнымъ слушать лекціи. Не тутъ-то было. До сей поры отъ вступающаго въ университетъ требовалось знакомство лишь съ однимъ изъ мертвыхъ языковъ, именно латынью, но вдругъ потребовали и знанія греческаго. Ожидалось слѣдовательно избіеніе младенцевъ.

«Я и другіе, — рассказываетъ Гончаровъ, — кто поступалъ въ словесное отдѣленіе, бросились на пеструю микроскопическую грамматику, наняли учителя и, отложивъ все прочее, напустились на грамматику и синтаксисъ и съ этимъ скуднымъ, пріобрѣтеннымъ съ грѣхомъ пополамъ, запасомъ явились на экзаменъ».

«Много воды подлилъ этотъ греческій языкъ въ мои теплыя надежды. Къ счастью все обошлось благополучно».

Благополучіе, разумѣется, было относительное. Гончаровъ немилосердно коверкалъ на экзаменѣ ударенія, послѣ каждаго переведеннаго слова слышалъ профессорское «не такъ, не такъ» и самъ удивился, почему его все-же признали «достойнымъ» даже по части эллинской премудрости, бывшей, кстати сказать, до той поры исключительнымъ достояніемъ семинаристовъ.

Двери университета распахнулись широко и гостепріимно.

«Мы, юноши,—пишетъ онъ — полвѣка тому назадъ смотрѣли на университетъ, какъ на святилище, и вступали въ его стѣны со страхомъ и трепетомъ».

«Нашъ университетъ въ Москвѣ былъ святилищемъ не для однихъ насъ учащихся, но и для ихъ семействъ, и для всего общества. Образование, вынесенное изъ университета, цѣнилось выше всякаго другого. Москва гордилась своимъ университетомъ, любила студентовъ, какъ будущихъ, самыхъ полезныхъ, можетъ быть громкихъ, блестящихъ дѣателей общества. Студенты гордились своимъ званіемъ и дорожили занятіями, видя общую къ себѣ симпатію и уваженіе. Они важпо расхаживали по Москвѣ, кокетничая своимъ званіемъ и малиновыми воротниками. Даже простые люди, и тѣ при встрѣчахъ ласково провожали глазами юношей въ малиновыя воротничкахъ. Я не говорю объ исключеніяхъ. Въ разносоловной и разнохарактерной толпѣ, при различіи воспитанія, нравовъ и привычекъ, являлись конечно и малоподготовленные къ серьезному ученію, и дурновоспитанные молодые люди, и просто шалуны и пофѣсы. Иногда пробѣгали въ городѣ — впрочемъ рѣдкіе — слухи о шумныхъ пирушкахъ въ трактирѣ, о шалостяхъ вродѣ напирѣвъ переиѣны ночью вывѣсокъ у торговцевъ или задорныхъ пререканій съ полиціей и т. п. Но большинство студентовъ держало себя прилично и дорожило симпатіями общества».

«Эти симпатіи вливали много тепла и свѣта въ жизнь университетскаго юношества. Духъ юноши поднимался; онъ расцвѣталъ подъ лучами свободы, падшими на него послѣ школьной или домашней педагогической неволи. Онъ совершалъ первый сознательный актъ своей воли, приходилъ въ университетъ самъ, его не отдають родители, какъ въ школу. Нѣтъ школьной методы преподаванія, не задають уроковъ, никто не контролируетъ употребленія имъ его часовъ, дней, вечеровъ и ночей».

Темныя пятна университетской жизни легко — особенно для Гончарова — скрашивались молодостью. Случился напирѣвъ та-
кой эпизодъ. Профессоръ Давыдовъ открылъ курсъ по исторіи фи-